

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 10-11

ЕЛЕНА ЕРШОВА: ОТ НЕПОНИМАНИЯ К ПРИЗНАНИЮ

«СЛАДКАЯ
ЖИЗНЬ»
АРКАДИЯ
ЛЬВОВА

стр. 8-9

№21 (21)
НОЯБРЬ 2020

Бульварные новости

«ИНСУЛЬТ –
НЕ ПРИГОВОР!» –
УТВЕРЖДАЮТ
«ХАКЕРЫ МОЗГА»

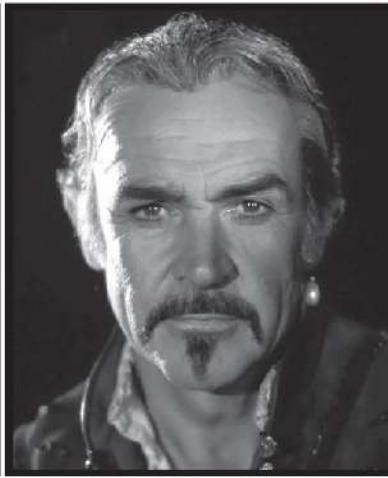

стр. 6

стр. 7

РИНА ЗЕЛЕНАЯ
И ЕЕ УДИВИТЕЛЬНАЯ
СУДЬБА

НЕ
ТОЛЬКО
ДЖЕЙМС
БОНД

стр. 5

так легко, когда я доверяла свое самое сокровенное бумаге, когда выкладывала на неё то, что меня беспокоило, волновало или радовало. Когда поделиться с кем-то своими горестями и радостями, событиями в жизни было нельзя — я писала стихи.

Позже попробовала писать прозу, пошли первые рассказы — сидела, писала ночами. Вся семья спит, а я пишу. А утром бежала на работу. Тогда я уже работала журналистом в нашей местной газете.

— Почему оставили профессию учитель?

— Поняла, что не могу выполнять однотипную работу: цель урока, его задачи, начало урока, тема урока, окончание урока и планы, планы, планы: на урок, на день на неделю, на четверть, на полгода, год. Предложила проводить уроки по собственной методике обучения, потому что поняла, что детям так будет понятнее усваивать материал. Я хотела проводить уроки на природе, в первую очередь и детям полезно для здоровья, и наглядный материал под руками: листья, шишки, цветы, снег, лед. А потом уже весь пройденный материал записывать в тетрадь в классе. Но мне не разрешили делать этого, существовала одна общепринятая методика преподавания, все новшества не приветствовались. И я уволилась.

— Пришло сменить много профессий?

— Много. Устраивалась в основном туда, где больше платили, мне нужно было на что-то жить и поднимать сына. Кем только не пришлось поработать: секретарем, журналистом и редактором газеты, начальником маркетингового отдела, заместителем заведующей в магазине, уборщицей, почтальоном и даже певицей в церковном хоре. Но творчество меня притягивало всеми силами. Я тогда уже руководила литературным кружком в доме творчества для детей. Освоила гитару, стала сочинять песни.

— Как ваша семья воспринимала ваше творчество?

— Это очень сложный вопрос. Коротко: никак. Сначала родители это не принимали, потом муж меня не понимал. Если

я садилась с гитарой подобрать новую мелодию к песне, то ему было непонятно — зачем?

— Ты чего расселась? — говорил он в такие минуты, — у тебя посуда немытая стоит! Приходилось обороняться и объяснять, что посуда никуда не убежит, и я сейчас допишу песню и вымою ее. А музыка, если улетит, я ее не поймаю!

Но это было ясно мне, но не ему. Пришлось расстаться. Осталась одна с сыном, было очень трудно, но спасение находила в песнях.

Сначала писала песни на стихи других поэтов. Очень любила стихи Риммы Казаковой. Я читала ее сборники, и мне казалось, что наши судьбы были чем-то похожи. Я не знала о ней совершенно ничего, ночувствовала по ее стихам, что эта женщина пережила в жизни очень много трудностей, возможно, что унижения и оскорблений. В ее стихах мне чувствовалась такой надрыв, как будто человек плакал между строк. Это было мне настолько близко, что я написала несколько песен на ее стихи.

— Почему не писали песни на свои стихи?

— Вот и я так подумала, а почему бы не писать песни на собственные стихи?! И стала это делать. Я писала песни, подбирая мотив аккордами на гитаре. Меня выручила гитара.

Потом я стала принимать участие в концертах, фестивалях авторской песни. Пела свои песни, и увидела, что зрители их хорошо принимают. И это стало стимулом для дальнейшего творчества. Я просто делала то, что мне очень нравилось, без чего не смогла бы жить.

— Сейчас вы целиком посвятили себя творчеству?

— Можно так и сказать. В творчество с головой окунулась тогда, когда мое здоровье совсем пошатнулось, и я не смогла больше работать физически. Больницы, реанимации, снова больницы. В общем, сейчас я человек с ограниченными возможностями. Это было так трудно пережить физически и морально! И единственным моим спасением стало творчество. Много написала стихов, прозы, песен. Видимо, столько всего во мне накопилось, что нужно было это «вылить» на бумагу и выразить.

— И выразили, на мой взгляд, очень плодотворно.

— Думаю, прежде всего, оценку моим произведениям должны давать читатели и слушатели. Но я, умудрилась написать много нового, доработать и подкорректировать свои ранние рукописи. Издала семь авторских сборников стихов, рассказов и сказок, которые я писала еще для своего маленького сынишки. Опубликовала свои произведения в 17 сборниках, альманахах и антологиях.

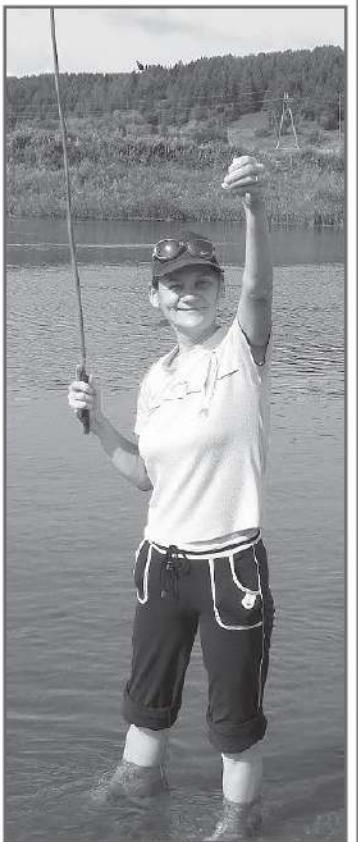

Но самое главное — организовала в своем родном Нолинске Клуб авторской песни и однокласснический фестиваль-конкурс песен авторов Вятки «Новое Имя».

— Анализируя вашу не простую жизнь, чтобы вы могли сказать?

— Я поняла, что каждая моя работа мне очень пригодилась в дальнейшей жизни! Работая учителем, я научилась доносить информацию до людей разного уровня и быть терпеливой. Работая секретарем, научилась быстро печатать. Работая журналистом и редактором, научилась общаться с разной категорией людей, освоила компьютер. Работая почтальоном, научилась приносить радость в дома людей!

И еще я поняла самое главное: ком бы ты ни был, прежде всего, в тебе должен жить человек! Надо, несмотря ни на что, всегда оставаться человеком и с достоинством нести чистоту, искренность, добрую и любящую душу.

ЕЛЕНА ЕРШОВА: ОТ НЕПОНИМАНИЯ К ПРИЗНАНИЮ

Геннадий Норд

Завораживающая красота природы, тихая, размеренная жизнь, радующая архитектуры древнего русского города часто рождают большой поэтический талант. Так произошло и с Еленой Ершовой, поэтом, прозаиком, детским писателем, бардом, лауреатом многих конкурсов и фестивалей, членом Союза писателей Северной Америки.

—Обычно какие-то творческие начала закладываются в детстве. Каким было ваше детство?

—Родилась я в небольшом старинном купеческом городке — Нолинск — это вятская глубинка в России. Возможно, это тоже сыграло роль в моем творческом началении, потому что у нас такая зачаровывающая взгляд природы! А в такой красоте разве можно жить и не писать?

В нашей семье пели все и очень красиво, видимо это передалось по наследству! Петь я начала еще в детском садике. Все дети спят в тихий час, а нас с сестрой (мы двойняшки) и братом (он тоже хорошо пел, а еще и танцевал) снова таскали в кабинет заведующей, где собирались воспитатели со всех групп и нянни. И нас взрослые тети просят спеть песни, которые мы запомнили из того, что пела наша мама. Чаще всего это были застольные песни, которые родители пели, когда у нас собирались гости, где застолье всегда заканчивалось такими напевными и трогательными мелодиями. А брат танцевал лезгинку, за что ему однажды заведующая подарила игрушечный кортик.

И вот, представьте себе, нам всего лет 5–6, а мы так самоизбранно с сестрой поем для воспитателей: «А где мне взять такую песню» или «Ромашки спрятались». И еще много-много других красивых песен. Воспитатели и наши нянечки вместе с заведующей садиком не просто плакали, они рыдали, слушая нас.

А началось все с того, что как-то воспитатели услышали нас, как мы поем ребяташкам на детской площадке вот такие абсолютно не детские песни. И, видимо, когда у наших воспитателей душа хотела,

всплакнуть, нас в очередной раз с тихого часа снова тянули нас в кабинет заведующей. Кроме того, что мы там пели, нам еще заведующая садиком показывала такие экспозиционные детские игрушки, которые в шестидесятые годы были просто редкостью — это и мишка, который мог передвигаться по столу, и большая говорящая кукла, которая могла говорить — «Ма-ма, ма-ма» и даже ходить по полу. И еще многие другие игрушки, которых не было у детей в группах, они были только у заведующей в кабинете в единственном экземпляре и хранились там как в музее.

—А когда вышли на большую сцену?

—Тогда же. Нас выводили с сестрой на сцену нашего Дома культуры и публика любовалась и замирала. В нашем городе двойняшек было мало, поэтому на нас смотрели, как на какой-то экспозиции. Мы стояли на сцене в одинаковых очень красивых платьишках, как две матрешки. Со сцены мы уже пели детские песни.

А потом школа. Я хотела после школы стать научным сотрудником, работать в лаборатории и разработать вакцину от клещевого энцефалита. Но нам в школу приходил один дядечка, он так воспитательно рассказывал о своем педиатриче, где он преподавал, что я решила стать педагогом и выучилась на учителя младших классов.

—Как из прилежной ученицы вырос такой творческий человек?

—Я совсем не была прилежной ученицей, никогда не зурила учебники — все запоминала с уроков. Делала только письменные домашние задания, оставленное для меня было сущей пыткой. Предпочитала лучше поиграть с мальчишками в футбол или хоккей, чем сидеть за учебниками, сходить с пацанами на рыбалку, попечь на костре картошку или кусочки хлеба, а то и слазить в чужой сад за яблочками. Меня всегда оставляли на стремежухере, чтобы я могла вовремя подать сигнал, если нас вдруг кто-то мог заметить при частичном опустошении чьего-то сада-огорода. Странно, но чужие яблоки всегда казались вкуснее своих. Мальчишки никогда не жаловались и мне это нравилось. А еще у меня всегда была такая защита! Не дай Бог, кто обидит — мало никому не покажется. Мальчишки всегда давали за меня отпор моим обидчикам.

Почему-то мне больше нравились именно мальчишки, девчонки и нюни и плашки не интересовали меня совсем.

Единственное, что я предпочитала в общении с девчонками, шить наряды для своих пупсиков. В школе на уроках труда научилась шить, а потом все эти навыки мне так пригодились. Я все себе шила и вязала сама, а потом и мужу, и сыну! А началось это с юности, когда хотелось сходить в кино или на танцы в Городской сад. Одеть что-то красивое было нечего. Поэтому я с разрешения матери перешивала и перекроивала ее старые наряды. Шила юбки, блузки, платья, костюмы, сарафаны, пиджаки и даже осенне и зимнее пальто! Был у нас такой сложный период жизни во времена перестройки, когда в магазинах практически ничего не было, в постоянном ассортименте в продовольственных магазинах стояла только морская капу-

ста в жестяных банках и хлеб. Одежда в магазинах была в эти перестройческие времена, но не было денег! Нам зарплату не платили месяцами, а одеваться нужно. Тогда я решила сшить себе осеннее и зимнее пальто сама. Просто распорола старые пальто, которые уже вышли из моды, и сшила из них новые, но другой модели.

—Как жила ваша семья?

—Родители нас не баловали своей любовью и заботой. Им было не до нас. На первом месте у них была работа. Но никто из нас не жаловался, потому что в брежневские времена работа всегда была, и платили очень хорошо. По тем временам больше всех зарабатывали рабочие и колхозники. Даже инженеры, учителя и врачи получали меньше.

Воспитание у нас в семье было очень строгим, нам приходилось заниматься домашней работой уже с 7–8 лет. Вся приборка по дому была на нас. А потом и уход за огородом: полить, прополить и т.д. Нельзя было не выполнить какую-то работу, нас просто наказывали — ставили в угол, а еще хуже — не отпускали гулять на улицу, если мы что-то не сделали по дому. Поэтому мы старались выполнить все, что просили, сделать нас родителями. Отец мог за любую провинность и жестоко побить. Характер у него был очень вспыльчивый. Для него ничего не стоило выпороть ремнем или резиновой скакалкой так, что ты потом и сидеть не можешь.

Как-то помню за какую-то оплошность, просто скатил меня с головы и в его руке остался целый пучок волос вместе с бантином или он мог отвесить такую пощечину, что щека не просто краснела, а весь рельеф пальцев вспыхнул на по-красневшей щеке. Но я не обижалась на своих родителей, потому что в то время это было видимо нормально, когда ребенок гулял по попам ребят.

Но все же однажды я не выдержала и решила уйти в детский дом. Меня это не пугало — единственная мысль была о том, чтобы меня больше не били и не унижали! Я взяла тогда с собой только портфель с учебниками и тетрадками, одела старенькую уже выцветшую курточку и пошла. Мама сначала не поняла, что происходит, удивилась, что я ухожу на ночь глядя, и спросила: «Ты это куда?». Я ей прямо ответила, что ухожу в детский дом!

Дополна она меня уже на улице и вернула обратно домой. Мне пришлось снова смириться с нашими семейными условиями.

Но я нашла самый оптимальный вариант, как избегать несправедливых наказаний отца — как можно реже быть в поле его зрения. Записалась в несколько спортивных секций в школе и с увлечением стала участвовать в художественной самодеятельности. Таким образом, дома почти совсем не находилась.

Но отец был прекрасным рыбаком и охотником, а мама очень хорошо стряпала, и я многому у них научилась.

—Писать стихи начали, занимаясь художественной самодеятельностью?